

действительности имеет не только философское и научное выражение – она лежит в самой основе обыденного языка, а значит, и фундаментальных, спонтанно действующих начал мысли. Обыденный язык, точнее, многие новоевропейские языки, отличает вещную реальность (от лат. *res* – «вещь») и, соответственно, *reality*, *realité*, *die Realität*, etc. от энергийной действительности – *actuality*, *actualité*, etc. (от лат. *actio* – «действие»), *die Wirklichkeit* (от *wirken* – «действовать»).

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В.Путина и Б.Н.Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Ильина Н.А. Геогностика сквозь призму языка. М.: МГУ, 1994.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

Климова И.И. Дискурс и его истоки. М., 2000.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. – Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике

дискурса. Тверь, 2000.

Пути к пониманию. Вып. 1, 2, М.: СКЗМ, Внешторгиздат, 1989.

Сартори Дж. Искажение понятий в сравнительной политологии. – «Полис», 2003, №№ 3, 4, 5.

Русакова О.Ф. (ред.). Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИфиП УрО РАН, 2004.

Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современности. СПб., 2000.

Чернявская В.Е. Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000 (второе издание М., 2004).

Buyssens E. Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité, 1943.

Chilton P., Ilyin M. & Mey J. (eds.). Political Discourse in Transition in Europe 1989 - 1991. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998.

Lasswell H.D. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. Camb. (Mass.): MIT Press, 1949.

Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs., 1966.

Sartori J. Concept Misformation in Comparative Politics. – «American Political Science Review», 1970, № 4.

ТЕОРИЯ Н. ФЭРКЛОУ И ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ТРИАДЕ «ТЕКСТ – ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА – СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА»

А.Г. Пастухов



Пастухов Александр Гаврилович

кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного института искусств и культуры, зав.кафедрой иностранных языков.

E-mail: pastalex@orel.ru

Центральным вопросом в теории Н. Фэрклоу является изучение различий между критическим дискурс-анализом и постструктуралистской теорией дискурса. В своей работе Н. Фэрклоу показывает дискурс не только как созидательный, но и как создаваемый, как важную форму социальной практики, которая не только представляет, изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, но и рассматривается как арена действия социальных практик и структур. Таким образом, дискурс находится в множественных диалектических отношениях с другими социальными измерениями, а медиа (журналистика, связи с общественностью и т.п.) являются примером дискурсивных практик

(Fairclough 1992: 66).

Дискурсивная практика не только представляет дискурсивные структуры, но и оспаривает те, которые находятся вне его структуры (Fairclough 1992: 66). Исследование разговорной и письменной речи в повседневном социальном взаимодействии (по Н. Фэрклоу – форма дискурс-анализа) (Fairclough 1992: 72), позволяет с позиций лингвистики проследить, как в отдельных текстах протекают дискурсивные процессы. Критикуя лингвистические подходы за их концентрацию исключительно на текстовом анализе, а также за упрощенно-поверхностное понимание отношений между текстом и обществом, Н. Фэрклоу называет их не достаточными, т.к. они не проясняют связь между текстами, социальными и культурными процессами. Необходима, – пишет он, междисциплинарная точка зрения, сочетающая в себе текстовый и социальный анализ.

Применение макросоциологической традиции к дискурс-анализу учитывает то, как социальные практики формируются на основе социальных структур и отношений власти. Вклад интерпретационной традиции обеспечивает понимание того, как в повседневной жизни люди управляют миром. Поэтому в наиболее абстрактном смысле дискурс понимается как: 1) социальная практика, 2) разновидность языка, используемого в пределах определенной области, 3) исчисляемое существительное (отдельный дискурс, этот дискурс,

а также феминистский, марксистский дискурс и т.п.).

Центральным моментом в теории Н.Фэрклоу являются т.н. измерения дискурса: коммуникативное событие — отдельный случай использования языка (газетная статья, фильм, интервью или политическое выступление) и порядок дискурса — конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном пласте или социальной области. Типы дискурсов состоят из дискурсов и жанров (Fairclough 1995: 66), где жанр — специфическое использование языка, составляющее часть отдельной социальной практики (Там же: 56). Внутри определенного порядка дискурса существуют дискурсивные практики, посредством которых продуцируются, воспринимаются или интерпретируются текст и речь (Fairclough 1998: 145). В каждой дискурсивной практике, а именно, в процессе производства и восприятия текста, различные типы дискурсов (дискурсы и жанры) используются особым образом.

Суммируя эти три измерения, привлекаемые для анализа коммуникативного события, собственно лингвистический анализ должен учитывать особенности: (1) текста (речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание), (2) дискурсивной практики (процесс производства и восприятия текстов), (3) социальной практики (широкой социокультурный контекст, в котором происходит коммуникативное событие).

Данная триада, кроме собственно анализа лингвистических особенностей, неизбежно влечет за собой и анализ дискурсивных практик, представля собой два разных измерения. Анализ дискурсивной практики сконцентрирован на том, как авторы текстов используют уже существующие дискурсы и жанры, чтобы создать текст. С точки зрения получателей текстов они обеспечивают доступные дискурсы и жанры при их восприятии и интерпретации (Филлипс, Йоргенсен 2004: 111). Так, некоторые из них, напр. новости, могут образовывать амальгамы дискурсов, формировать их интерпретацию и обсуждение в социуме, применять те дискурсы и жанры, которые использовались ранее, а также объединять их с другими в новых гибридных формах.

Дискурсы и жанры, которые артикулируются при производстве, восприятии и интерпретации текста, имеют некую лингвистическую структуру, которая влияет на эти процессы, вырастая до коммуникативного события, опосредованного специфическим использованием языка (будучи одновременно и структурой, и практикой). Использование дискурсов и жанров как источников коммуникации управляется при помощи некоторой соразмерности, детерминированной стратегиями составления текстов, в особенности типичные для медиа-текстов. Т.н. *artum decogum* может выступать как особое свойство стилистики текста, дополняемой

требованиями правильности, ясности и внешней привлекательности, воспринимаемые не абстрактно, а практически ориентированно. К категории соразмерности относятся средства языковой изобразительности, образующие т.н. внутренний *artum*, а также ощущаемые интуитивно и ситуативно опосредованные — внешний *artum*. В условиях жесткой социальной иерархии формируется и некий третий *artum*, соразмерность которого определенно базируется на принятых в обществе нормах.

Вместо застывших норм все чаще выбирается индивидуальность; вместе с ней меняется и сама категория соразмерности. Точнее говоря, понятие соразмерности теряет свою оценочную силу, как только в ее основу закладывается фактор индивидуального. Практика показывает, что рассуждения относительно единства текста вовсе не устарели, как и рассуждения о его ситуативности. Различные рубрики в прессе подтверждают это: ни одна из существующих ныне речевых норм не действует по одинаковому шаблону. Покажем это на примере жанра «фельетон», имеющего вполне самостоятельное значение. Появившиеся впервые в 18 в. во Франции под названием *Feuilleton* (от фр. *feuille* «листок»), они активно были подхвачены прессой как дополнение к основной политической части газеты. В Германии эта «французская болезнь» впервые появилась в *Kölnische Zeitung* (1838), где фельетон соседствовал с такими жанрами как рецензия, критика, интервью, репортаж и т.д.

В течение исторического развития полемических видов журналистики, общим местом этих «малых форм» стало понимание фельетона как культурного ресурса. Здесь авторы, продвигая тот или иной тезис, получили возможность представить опосредованно фактическое знание и, что важно, в отдельных случаях отказаться от идеологии, но не от средств выразительности. По этой причине стилистика фельетона, победив риторику, высвободила художественные средства, необходимые для выражения 'правды' (Göttert, Jungen 2004: 271).

В настоящее время использование жанра «фельетон» очень распространено. Эта «элегантная», острая и легкая манера письма во всей её стилистической отточенности достигла популярности у читателей. Формально в фельетоне речь идет о лично пережитом событии в его ироничном и философско-задумчивом понимании. По мнению Г. Штегерта, две основные стратегии этого жанра могут квалифицироваться как «семантическая компримация» (сжатие), и, одновременно, как «кулинаризация» жанра (Stegert 1998), особую «приправу» к которому добавляют острый анекдот, ирония или шутка. Важно, что материал фельетона дает материал для дальнейших интерпретаций его текста или заголовка.

Современная тенденция к колумнизму отражает новые условия письма критически для настроенных и поучительно аргументирующих

авторов, работающих в жанре фельетона. Накал, связываемый с революционными преобразованиями или консервативным академизмом 90-х гг., заметно снизился, однако стилистика этого подчеркнуто свободного письма получает новый, современный импульс. Так, например, жанр еженедельных фельетонов Максима Соколова, колумниста газеты «Известия», позволяет и сегодня «людям с умом острым и нетривиальным находить глубокие загадки в том, что людям не столь пронизательным представляется очевидным» («Известия» 07.07.06, с.8).

1. Филлипс, Л. Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, – 336 с.
2. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press
3. Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
4. Fairclough, N. (1998) *Political Discourse in the Media: An analytical Framework*, in: A. Bell and P. Garrert (eds.) *Approaches to Media Discourse*. Oxford: Blackwell.
5. Göttert, K.-H., Jungen, O. *Einführung in die Stilistik* München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. – 288 S.
6. Stegert, G. *Feuilleton für alle. Strategien für Kulturjournalismus der Presse*. Tübingen, 1998.

«ЗЕМЛЯ ТЮМЕНСКАЯ»: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Г. Богомяков



Богомяков Владимир Геннадьевич
доктор философских наук, зав. кафедрой Тюменского государственного университета, профессор

E-mail:
boga@tyumen.ru

Региональный политический дискурс формируется социокультурной средой региона и, в свою очередь, активно воздействует на неё, формирует её. Компонентами регионального политического дискурса являются образы региона, коммуникативные стратегии и интенции, установки, ценности, мнения и т.п. Важнейшим социокогнитивным компонентом региональной политической идентичности являются ментальные структуры, связанные с формированием региональной идентичности. Посмотрим как конструируется в пространстве социума и культуры идентичность «земли тюменской», центром которой выступает город Тюмень.

«Земля тюменская» всегда считалась Сибирью. В 1803 году для всех земель к востоку от Уральских гор было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство. После реформы М.М. Сперанского начинают различать Западную и Восточную Сибирь (граница их проходила по реке Енисей). К Западной Сибири всегда относили Тобольскую, Омскую и Томскую область. Западная Сибирь – это, как сказал в своё время В.П. Семёнов-Тян-Шанский, «коренная Сибирь». Но недаром Н.В. Кюнер, выступая в 1918 году во Владивостоке, произнёс: «О Сибири

можно мыслить различно!». К маю 2003 года о Тюменской области Центр стал мыслить так, что сделал её частью Уральского федерального округа. А Урал – это совсем не Сибирь: другой мир, другое пространство, другая жизнь (несмотря на то, что от Тюмени до Екатеринбурга всего 300 километров).

В России ли «земля тюменская»? До конца XIX века говорилось о «стране Сибири»; а в блатных песнях и позднее пели: «Перемахнули за Урал, прощай Европа, я удрал в далёкую страну Хамардабан». Страна эта – не привычная Россия, а свободное малообжитое пространство, куда с трудом дотягивает свои щупальца государство, но, с другой стороны, это мрачный край каторги и ссылки на задворках русского orbis terrarum. В конце XIX века прочно утверждается понятие «азиатская Россия» (равноправная во всём русская земля). О единстве России европейской и азиатской много писали В.П. Семёнов-Тян-Шанский, затем – евразийцы. Но, одновременно, живёт в сознании части народонаселения представление о Сибири автономной, отделившейся от России. М.А. Бакунин, один из властителей умов радикальной интеллигенции, считал, что независимость Сибири – дело времени. К началу XX века в спорах централистов с регионалистами и областниками рождаются формула «Россия и Сибирь», лозунг «Сибирь для сибиряков», претензии к метрополии, которая «лишь тормозит развитие Сибири» (Н.М. Ядринцев). Во время существования ССР, настроения сибирского сепаратизма были вытеснены из дневного сознания в глубинное общественное подсознание, но в последние годы находятся влиятельные разжигатели таких настроений, вроде Збигнева Бжезинского (предрекающего образование на постсоветском пространстве России московской, России петербургской, России сибирской и ещё некоторого количества разного рода Россией), а также самого Б.Н. Ельцина, предложившего в свое